

Право и политика*Правильная ссылка на статью:*

Лю И. Интенциональный анализ социальных актов в «Априорных основаниях гражданского права» Адольфа Райнаха // Право и политика. 2025. № 3. С.1-18. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.3.73514 EDN: СJKXBH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73514

Интенциональный анализ социальных актов в «Априорных основаниях гражданского права» Адольфа Райнаха

Лю И

ORCID: 0009-0009-1431-0775

аспирант; кафедра теории и истории государства и права; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9

✉ liuyi_1996@outlook.com

[Статья из рубрики "Рецензии монографий"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.3.73514

EDN:

СJKXBH

Дата направления статьи в редакцию:

25-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является интенциональный анализ социального акта в «Априорных основаниях гражданского права» Адольфа Райнаха (1913) в контексте феноменологии Эдмунда Гуссерля периода «Логических исследований». Исследуется структура социальных актов как интенциональных переживаний, включая их имманентные компоненты и связь между ними через призму интенционального анализа. Критически анализируется «лингвистическая» интерпретация априорного учения о праве Райнаха, в частности, спорное сведение социальных актов к речевым актам (Дж. Остин, Дж. Сёрл). Особое внимание уделяется отсутствию в «Априорных основаниях гражданского права» методологического раздела, что обуславливает необходимость восстановить процесс феноменологического анализа социальных актов в исследуемой

работе правоведа. Цель статьи заключается в проблемно-теоретической реконструкции (Д. И. Луковская) методологии феноменологии права Райнаха. В рамках данного исследования проводится сравнительный анализ «Логических исследований» Э. Гуссерля и работ А. Райнаха, связанных с социальными актами – «Априорных оснований гражданского права», «Сущности и систематики суждений» (1908), «Несоциальных и социальных актов» (1911). Показана методология интенционального анализа социальных актов в реальном (reell) усмотрении. Новизна исследования заключается в применении интенционального анализа социальных актов на примере «Априорных оснований гражданского права» в реальном (reell) усмотрении. Реконструируется процесс анализа социальных актов с помощью «Логических исследований» Гуссерля, в частности, V Исследования «Об интенциональных переживаниях и их "содержаниях"». Автор статьи пришла к выводам: 1) любой социальный акт является интенциональным переживанием, входящим в состав переживания событийного единства «действенный социальный акт» как сложного (составного) интенционального переживания; 2) внутреннее переживание социального акта является (частичным) интенциональным переживанием, предметный коррелят которого тождествен интенциональному предмету социального акта. Выявлено, что проект априорного учения о праве А. Райнаха изучает правовые переживания и их связи в соответствии с гуссерлевской феноменологией, представленной в «Логических исследованиях», несмотря на то, что феноменология Райнаха имеет реалистический признак.

Ключевые слова:

феноменология права, социальный акт, феноменологическая установка, интенциональный анализ, интенциональность, социальный момент, действительность, действенность, Райнах, Гуссерль

Введение

В «Априорных основаниях гражданского права» (1913)^[18, 27] (далее – «АОГП») Адольфа Райнаха представлен первый в истории правовой мысли проект феноменологии права. Несмотря на то, что учением о социальных актах не исчерпывается райнаховская идея априорного учения о праве, им посвящена почти вся упомянутая работа философа. Понятие социального акта, с одной стороны, разработано правоведом под влиянием феноменологии Э. Гуссерля, с другой – является «мостом» между феноменологической методологией и теорией (гражданского) права постольку, поскольку оно выявляет элементарные единицы правового общения: сообщение, просьба, распоряжение, вопрошение, обещание и т. п. Для реконструкции^[9] райнаховского учения о социальных актах недостаточно определить используемые учёным понятия феноменологической философии, такие как «акт», «интенциональность», «предметное отношение», «переживание» и т. п.^[10, с. 470]. Важно также показать сам процесс феноменологического анализа социальных актов. В рамках данной статьи мы, принимая во внимание участие А. Райнаха в переиздании «Логических исследований» Э. Гуссерля (далее – «ЛИ») 1911–1913 гг.^[31, с. 621], ориентируемся на русский перевод первой части второго тома «Логических исследований» Э. Гуссерля в их втором издании^[4, с. 565].

Вопрос об отношении так называемого внутреннего переживания к социальному акту представляет собой одно из существенных положений «АОГП», в которых проявляется суть феноменологического анализа, как он был продемонстрирован в «ЛИ». Райнах

коротко, но эксплицитно описывает эту взаимосвязь с помощью ряда своеобразных (видов) социальных актов [18, с. 179]. Разумеется, взаимосвязь внутреннего переживания и социального акта касается ключевых моментов понимания «акта» и метода интенционального (сущностного) усмотрения в феноменологическом философствовании Райнаха, что делает необходимым принять во внимание также работы учёного по феноменологической философии до 1913 года [5, 33], в частности «Сущность и систематика суждений» (1908) [29] и «Несоциальные и социальные акты» (1911) [28].

1. Проблема интерпретации методологии априорного учения о праве: два подхода

В исследовательской литературе, посвящённой априорному учению о праве А. Райнаха, выделяются два основных подхода к интерпретации «Априорных оснований гражданского права»: лингвистический и «гуссерлевский» подходы. Последний считает эту книгу одним из примеров реализации гуссерлевской феноменологии [16, 19], в то время как первый – уделяет особое внимание связи между учением о социальных актах и теорией речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрл) [21, 30]. Проблема лингвистического подхода заключается, по нашему мнению, в непоследовательности (*circulus vitiosus*): последующий отказ сторонников реалистической феноменологии от феноменологической редукции (эпохе) не доказывает отказ Райнаха от феноменологической установки и интенционального анализа, как они были описаны в «ЛИ» Гуссерля. Если «гуссерлевская» интерпретация видит в «АОГП» прежде всего применение идей ранней феноменологии, то с точки зрения лингвистического подхода феноменология Э. Гуссерля, вплоть до его трансцендентального поворота, рассматривается не столько как метод, лежащий в основе априорного учения о праве А. Райнаха, сколько как исторический контекст его творчества, свидетельствующий об институциональной принадлежности А. Райнаха к феноменологическому движению. В центре внимания лингвистической трактовки, помимо связей между «АОГП» и работами по теории речевых актов (в частности, книгой Дж. Остина «How to do things with words» («Как совершать действия при помощи слов»)), находятся онтологическая позиция А. Райнаха, в том числе райнаховское понятие «положение дел» («*Sachverhalt*»), и учение о материальных априори (т. е. «необходимом бытии») [23, 26]. А. В. Кольцов справедливо сделал вывод, что в отличие от скептицизма Э. Гуссерля в «Логических исследованиях» А. Райнах «очевидно более «реалистичен» в своих формулировках» [5, с. 54]. Стоит также обратить внимание на то, что, согласно Н. В. Мотрошиловой, «до сих пор не удалось удовлетворительно подобрать русский эквивалент» для слова «*Sachverhalt*» [14, с. 442].

Вместе с тем Э. Гуссерль считал райнаховский проект «попыткой реализации давно отвергаемой идеи априорного учения о праве на основе чистой феноменологии (курсив мой. – И. Л.)» [25, с. 302]. Как было справедливо отмечено В. И. Молчановым, с терминологической точки зрения первая книга «Идей к чистой феноменологии» (далее – «Идеи I») отличается от «ЛИ» радикальным образом: в «Логических исследованиях» кроме понятий «идеация» и «интенциональность» нет других специфически феноменологических понятий, введённых Гуссерлем, а в «Идеях I» основными понятиями становятся «эпохе», «феноменологическая редукция», «естественная установка», «ноэсис» и «ноэма» [12, с. 24–25]. Тем не менее, отсутствие соответствующих понятий в «АОГП» не свидетельствует об отказе Райнаха от трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, притом что во втором томе «ЛИ» даётся описание метода феноменологической редукции в части двух её этапов – эмпирической редукции и собственно феноменологической редукции [13, с. 64]. Н. Кадена пришла к выводу, что

райнаховский проект априорного учения о праве есть один из самых наглядных примеров реализации метода Э. Гуссерля, как он представлен в «Идеях I»^[22]. В отличие от Ж. Дюбуа, не усматривающего отличий методологии Райнаха от методологии классической философии^[23, с. 149-151], Кадена обнаруживает методологическую связь «Априорных оснований гражданского права» с «Идеями I», причём Кадена в этой статье задала именно вопрос о том, как применить феноменологический метод (сущностную дескрипцию) к правовым предметностям, в том числе социальным актам^[22, р. 96]. Кроме того, историко-философские исследования показывают, что А. Райнах, вероятно, был мало знаком с работами сторонников теории речевых актов^[6, 31].

Интересующий нас вопрос заключается в том, каковы те методологические основания, которые позволяют отнести проект априорного учения о праве А. Райнаха к феноменологической философии права? С одной стороны, разумеется, априорное учение о праве шире учения о социальных актах, с другой – райнаховская концепция социального акта основана на тех же принципах феноменологической философии. Иными словами, каковы были основания у Гуссерля увидеть в априорном учении о праве А. Райнаха реализацию идей чистой феноменологии^[25, с. 302-303] применительно к исследованию права?

Трудно не согласиться с тем, что «хотя феноменология как отдельная область философии и не сводится к методу, определение феноменологической философии исходя из феноменологического метода, – пишет А. В. Ямпольская, – является достаточно общепринятым»^[20, с. 27-28]. Несмотря на то, что с точки зрения Хайдеггера, М. Мерло-Понти и ряда представителей реалистической феноменологии, «Идеи I» воспринимаются как отход от принципов, провозглашённых в «ЛИ», «чистая, трансцендентальная феноменология, проект которой изложен в "Идеях I", является, – подчёркивает А. В. Михайлов, – не иным типом феноменологии, а лишь иным уровнем рассмотрения, последовательно вытекающим из принципов феноменологического метода, заложенных в "Логических исследованиях" (в частности, последовательным проведением метода интенционального анализа)»^[8, с. 9-10]. С учётом того, что райнаховский проект феноменологии права может быть рассмотрен как промежуточная версия между гуссерлевской и реалистической феноменологией^[15], мы, не вмешиваясь в «борьбу» двух феноменологий^[5, с. 190-191] и отстраняясь от обсуждения проблемы «еретиков от феноменологии»^[17], поставим задачу проанализировать понятие интенционального усмотрения в «АОГП», приняв во внимание понятийный аппарат феноменологического анализа в «ЛИ», в частности, в V Исследовании «Итенциональные переживания и их содержания» (далее – V Исследование).

2. Событие vs. переживания: переход к реальному (reell) усмотрению

Согласно Гуссерлю, феноменологический анализ требует перехода от эмпирической установки (эмпирической психологии) к феноменологической, или, по терминологии ЛИ, к реальному (reell) усмотрению. В литературе термин «reell» также переводится на «реельное» («реельное содержание» и т. п.)^[21], но в данной статье мы руководствуемся переводом В. И. Молчанова: напр., реальное (reell) содержание, реально-феноменологическое (reell-phänomenologische) единство переживаний, реальное (reell) феноменологическое рассмотрение и т. п. Гуссерль в V Исследовании употребляет слово «reell» с целью разграничить переживание содержания сознания и мимолётный акт сознания как реально (real) происходящее событие^[4, с. 318-319]. Соотношение понятий

reell и real поясняет М. А. Белоусов: «Reell является неологизмом, характеризующим составные части потока сознания в их отличии от вещественных свойств и частей (которые могут быть названы “реальными” – real). Reell означает “переживаемый”, “реельное содержание” является содержанием сознания в собственном смысле слова, т.е. составной частью потока сознания как целого»[\[2, с. 63\]](#). То, что дано (в созерцании) посредством субъективного акта переживания (например, акта зрительного восприятия коробки), есть, с одной стороны, пережитое содержание этого субъективного акта, а с другой – явление подразумеваемого (полагаемого) актом объекта[\[4, с. 351–352\]](#). Само собой разумеется, пережитое содержание (т. е. переживание вещи[\[4, с. 322\]](#)) не есть то, что полагается актом переживания: «Для реального (reell) феноменологического рассмотрения сама предметность – это ничто; она ведь, вообще говоря, трансцендентна акту. Безразлично, в каком смысле и в какой мере оправданно идёт речь о её “бытии”, безразлично, реальна ли она или идеальна, истинна ли она, возможна или невозможна, акт “направлен на неё”»[\[4, с. 376\]](#). Соответственно, согласно «ЛИ» феноменологический переход заключается в том, чтобы удерживать это фундаментальное различие – между субъективным актом переживания (как событием, процессом) и переживанием (явлением) предмета, который представлен в акте. Н. В. Мотрошилова совершенно справедливо полагает, что этот переход «становится неожиданно простым»[\[13, с. 60\]](#).

Важно понять ход интенционального анализа в райнаховском проекте феноменологии права, так как именно в применении феноменологического метода заключается интересующий нас момент. Попытаемся восстановить ход феноменологического анализа правоведа так, как это возможно исходя из содержания «АОГП» и «ЛИ».

Начнём с тезиса об эквивалентности между утверждением о действенности социального акта и экзистенциальным суждением о единстве правового образования. С одной стороны, в качестве «конечной точки» интенционального анализа выступает единично-индивидуальное образование, которое имеет признак темпоральности. С другой стороны, «отправной точкой» феноменологического усмотрения социального акта, не является соответствующий какому-либо темпоральному образованию социальный акт в том понимании, как он определяется Райнахом: «Спонтанные и нуждающиеся в том, чтобы им вняли, акты мы назовём социальными актами»[\[18, с. 176\]](#). По нашему мнению, «эквивалентом» существования (Existenz) единичного правового образования является действенность (Wirksamkeit) соответствующего социального акта. Действенным считается тот социальный акт, которому внял его адресант. Разумеется, действенность какого-либо социального акта понимается в смысле атрибуции, которая *a priori* допускает предикации[\[4, с. 428\]](#) в форме «(этот) социальный акт действует». Более того, действенность единично-индивидуального социального акта «ссылается» на соответствующее событийное единство того, что один социальный акт был выражен адресатом во вне к другому (адресанту), и того, что адресант акта не просто воспринял (т. е. «нейтрально принял к сведению»[\[4, с. 441–443\]](#)) этот акт, а внял ему. Это единство, таким образом, охватывает не только сам по себе социальный акт, но и иные относящиеся к этому событию компоненты, в том числе адресата и адресанта, а также физический феномен проявления во вне этого акта. Действенность одного социального акта немыслима без адресата и адресанта акта подобно тому как владение правом – без носителя права. Таким образом, единство действенного социального акта в психологически-реальном (real) усмотрении есть эмпирически наблюдаемое, мимолётное межличностное событие, факт.

Переходя к реальному (reell) усмотрению, от единства «действенный социальный акт»

как мимолётного события мы отличаем его реально-феноменологическое (reell-phänomenologische) содержание [4, с. 44-45], т. е. переживание действенного социального акта. Коррелятом действенного (единичного) социального акта в мире правовых образований выступает соответствующее правовое образование: действенный (единичный) акт просьбы коррелирует с соответствующей просьбой. Иными словами, интенция действенного социального акта «направлена» на соответствующее изменение в мире правовых образований, которое предопределено содержанием этого события. Соответственно, модификация любой части этого единства (например, замена адресанта акта) влечёт соответствующее изменение коррелятивного (temporalного) правового образования, т. е., говоря словами практикующих юристов, влечёт иное правовое последствие. С учётом вышесказанного, это совокупное переживание характеризуется тем, что в нём помимо собственного социального акта также имеют место его адресат и адресант, а также своеобразные связи между этими компонентами. Действенный социальный акт подобен составной машине, «которая сама состоит из машин, и притом это соединение такого рода, что работа совокупной машины есть именно совокупная работа, в которую вливается работа частей машины» [4, с. 368]. При этом следует различать переживания действенного социального акта (как событийного единства) и собственного социального акта (как части этого события) именно по той причине, что их интенциональные корреляты не совпадают. Разумеется, по отношению к адресату и адресанту акта также применим интенциональный анализ. Более того, вполне возможно, что допускаются иные имманентные компоненты в зависимости от дескриптивного своеобразия (сущности) того или иного вида социального акта.

Таким образом, в реальном (reell) усмотрении событийное единство «действенный социальный акт» есть совокупное переживание, а его компоненты – собственный социальный акт, адресат акта, адресант акта – суть частичные переживания «действенный социальный акт» как целого. Тем самым мы не можем согласиться с А. В. Кольцовым в том, что «социальный акт не может быть в полном смысле отнесён к классу переживаний, поскольку... переживание является лишь составной частью такого рода интенционального акта» [5, с. 40-41]. Мы говорим, соответственно, уже не о реальных субъектах права и событии между ними, а в строгом смысле об их переживаниях. Взаимосвязи между этими переживаниями-частями суть связи переживаний, которые сущностным образом отличаются от связей вещей (*Sachen*), к которым «интенционально относятся переживания мышления» [3, с. 199], и связей истин (т. е. логических связей), в которых «вещное единство достигает объективной значимости в качестве того, что оно есть» [3, с. 199]. В. И. Молчанов точно указал, что это фундаментальное различие, которое «конституирует саму феноменологию»: «Несводимость этих трех видов связей образует не только исходную проблемную ситуацию, но и каркас феноменологии в целом» [11, с. 6]. Разумеется, в априорном учении о праве допускается ситуация, когда действенность социального акта охватывает не один, а несколько социальных актов. Райнах пишет и о более сложных переживаниях (составах) социального акта, в том числе о модификации одной из (самостоятельных) частей этого переживания с помощью другого социального акта («представительствующий (vertretenden) социальный акт» [18, с. 183]).

Стоит также отметить, что Райнах таким образом обратил особое внимание на правовую проблему действенности – тем самым он показывает применимость феноменологии не только для теории права, но и для исследования правовых практик. По мнению Теодора Эльзенханса, феноменологический метод, как он применён в «АОГП», не может исключать эмпирические элементы [24, 32].

3. Интенциональный предмет социального акта

Итак, мы приступаем к анализу *собственного* социального акта. Анализ социальных актов требует обратить внимание на самый акт, а не на другие части в составе событийного единства «действенный социальный акт» – адресата и адресанта. Под *собственным социальным актом* понимается то, чему внял его адресант, и то, посредством которого событийное единство «действенный социальный акт» может быть обнаруженным внешним (эмпирическим) путём; например, письменное соглашение между лицами.

Далее, переход к реальному (reell) усмотрению требует различия реально-феноменологического содержания самого социального акта и его проявления вовне. Это различие имеет место в «АОГП», причём оно восходит к «ЛИ». При феноменологическом «вычленении» феноменального единства в райнаховском проекте обнаруживается нечто новое: в то время как Гуссерль сформулировал задачу чистой логики в начале «ЛИ» – «извлечь значение из психологической и грамматической оболочки»[\[10, с. 522\]](#), Райнах понимал внешнюю сторону (т. е. «тело», «плоскость») социального акта шире, чем текстуально-грамматическую оболочку: «Социальные акты... имеют внешнюю и внутреннюю сторону, подобно тому как есть душа и тело. Тело социальных актов может варьироваться в широких пределах, хотя душа их остаётся одной и той же. Распоряжение может проявляться в мимике, в жестах, в словах»[\[18, с. 176-177\]](#). Таким образом, Райнах выделяет внешнюю сторону собственного социального акта таким же образом, как и Гуссерль – физическое явление выражения (как физический феномен) из феноменологического единства выражения, оживлённого смыслом.

Как выражение, так и самый социальный акт в этом смысле следует рассматривать как сплавленное единство[\[18, с. 176-177\]](#). Считая внешнее проявление социального акта последствием невозможности непосредственного доступа к чужим переживаниям[\[5, с. 41\]](#), Райнах подчёркивает, что существенным для любого социального акта является потребность в том, чтобы ему вняли[\[18, с. 177-178\]](#). Если один человек обратился к другому и выразил своё мнение о сегодняшней погоде на языке, которым не владеет последний, то в данном случае речь идёт о выражении, а не о сообщении как социальном акте (например, предупреждение компетентного органа о неблагоприятных погодных условиях). То, что остаётся после «очищения» внешнего проявления социального акта как феноменального единства, есть реально-феноменологическое содержание самого социального акта или, иными словами, переживание социального акта. Разумеется, здесь нет необходимости говорить о переходе к феноменологической установке, так как этот переход является фундаментом нашего анализа. Соответственно, далее мы понимаем переживание в гуссерлевском смысле[\[2, с. 61-72\]](#).

Любой социальный акт, согласно Райнаху, интенционален[\[18, 28, 31\]](#). Точнее, социальные акты (как переживания) относятся к особому классу интенциональных переживаний – спонтанным переживаниям: «Спонтанные акты суть переживания, которые принадлежат не только Я, но в которых Я обнаруживается в качестве деятельного»[\[18, 5, 30\]](#). Что касается *интенциональности*, то это понятие понимается с помощью так называемого предметного отношения, в котором коррелятом переживания выступает предмет в самом широком смысле[\[4, с. 41\]](#): интенциональный предмет – то, на что «направлено» это переживание[\[4, 12, 13\]](#). Например, в качестве интенционального предмета акта сообщения может быть, например, положение дел о неблагоприятных погодных условиях

(то, о чём сообщают); интенциональным предметом акта передачи могут быть движимое имущество, недвижимость, имущественные права и т. п. Один социальный акт (определенного вида) может быть интенциональным предметом другого социального акта и, таким образом, образуется «цепочка» социальных актов, например: Антон обещал Роману, что он обратится с просьбой к компетентному органу, чтобы этот орган сообщил предприятию, принадлежащему Роману, о неблагоприятных погодных условиях (для подтверждения наличия форс-мажора). Для переживания его предметный коррелят – это трансцендентный предмет (например, положения дел о неблагоприятных погодных условиях, дом, бог Юпитер^[4, с. 343] и т. д.). При этом, очевидно, на одну и ту же предметность могут направлены интенционально разные социальные акты (как переживания). Райнах приводит пример того, что одно и то же мыслимое содержание (например, совершение одним лицом по отношению к другому определённого действия: оказание услуг, предоставление медицинской помощи и т. п.) могут иметь как сообщение, так и просьба, как распоряжение, так и обещание^[18, с. 164]. Не трудно отличать от видовых своеобразий таких социальных актов ту же самую направленность предметного указания к одному и тому же положению дел (*Sachverhalt*); мы скажем: для таких актов значим тот же самый интенциональный предмет. Говоря словами Гуссерля, мы можем «в одном луче мысли (*Meinungsstrahl*), в один приём (*in einem Griff*) схватывать» нечто, чтобы оно (как нечто трансцендентное по отношению к акту переживания) становилось интенциональной предметностью нашего переживания^[4, с. 418]; соответственно, с точки зрения грамматики содержание сообщения (просьбы, распоряжения, обещания и т. п.) может быть представлено с помощью придаточного предложения^[7, с. 443–444], например, в обороте «то, что...» («то, что Антон выполнит ремонтную работу Роману», «то, что Антон окажет медицинскую помощь Роману»).

Нас интересует, однако, не многообразие интенциональных предметов социальных актов, а предметное отношение социальных актов или, иными словами, интенция самого переживания социального акта (синонимическое выражение для «социального акта как переживания»). Как уже отмечено выше, предмет, который подразумевается (полагается) в акте, трансцендентен по отношению к акту и, тем самым, есть *ничто* для реального (*reell*) усмотрения переживания^[4, с. 376]. Н. В. Мотрошилова подчеркнула, что согласно «ЛИ» характер самой предметности для интенционального переживания (интенционального отношения) безразличен: «В теории интенциональности характеризуется только момент “отнесенности” сознания к предмету – и ничего больше»^[13, с. 67–68]. Поэтому следует обратить внимание также на то, что известный гуссерлевский лозунг «Назад, к самим вещам!» должен быть интерпретирован с учётом его теории интенциональности. «“Сами вещи” – это то, что дано в созерцании с очевидностью, – пишет М. А. Белоусов, – а не что-либо реальное в обычном смысле слова»^[1, с. 68]. Один и тот же дом может быть интенциональным предметом, допустим, гражданских сделок разных категорий, причём не то, каков этот дом (год построения, стоимость, местоположение и т. д.), определяет квалификацию одного документа как договор купли-продажи либо договор дарения. То, что этот дом выступает интенциональным предметом той или иной гражданской сделки, предопределяется содержанием сделки, т. е., имманентной частью соответствующего переживания таких социальных актов в реальном (*reell*) усмотрении.

Мы установили, что для разных по виду социальных актов может быть значимым один (тот же самый) общий момент, полагающий один (тот же самый) интенциональный предмет актов: в таком случае усматривается у социальных актов тождественная часть

их (реально-феноменологического) содержания, определяющая интенциональный предмет акта. Теперь мы обратим внимание на то, что разграничивает социальные акты с тождественной интенциональной предметностью по виду (*Spezies*).

В «ЛИ» с целью более строгого учения о целом и части проводится разграничение терминов «фрагмент» («*Stück*») в смысле самостоятельной части и «момент» («*Moment*») в смысле несамостоятельной части; Гуссерль подчёркивает, что самостоятельность либо несамостоятельность понимается относительно некоторого целого, поэтому одно единство может быть самостоятельной фрагментом одного целого и несамостоятельным моментом другого целого [4, с. 235]. Соответственно, это полагание, делающее конкретное трансцендентное нечто интенциональной предметностью того или иного социального акта, есть несамостоятельный момент переживания акта; согласно терминологии V Исследования это – *материя*, благодаря которой переживание «схватывает» соответствующую (трансцендентную) предметность [4, с. 378–379]. Далее, социальные акты как переживания разного вида (например, один есть акт просьбы, а другой – акт распоряжения), «имеющие» ту же саму материю и тот же самый интенциональный предмет (например, «то, что Антон окажет медицинскую помощь Роману»), различаются по качеству [4, с. 375]. Следовательно, вариация материи социального акта есть вариация того, к какому предмету относится акт, а вариация качества – вариация модуса, в котором этот предмет интенционален [4, с. 376–377]. Проявления разных по виду социальных актов с тождественной материей могут грамматически не отличаться друг от друга (например, в случае просьбы и распоряжения с содержанием «Антон окажет медицинскую помощь Роману»), но в одном случае имеет место просящая интенция, а в другом – распоряжающаяся интенция. Разумеется, мы изначально разграничиваем интенцию в обычном смысле как направленность внимания и интенцию в феноменологическом смысле [4, с. 343].

Для обозначения качества переживания того или иного вида Райнах употребляет слово «момент» («*Moment*»), например, «момент утверждения» (Behauptungsmoment) [29, с. 341–342]. Следовательно, мы можем называть общее качество социальных актов (как особого класса переживаний, к которому относятся акт сообщения, акт просьбы и т. п.) *социальным моментом*. Итак, потребность социального акта в том, чтобы ему вняли, усматривается Райнахом как отличительная черта социальных актов от иных спонтанных (*spontane*) переживаний, требующих Другого (fremdpersonale) [18, 28, 30]; эта черта называется социальным моментом (*soziales Moment*). Как сказано в начале статьи, этот общий момент социальных актов имеет отношение к действенности социального акта.

С точки зрения терминологии необходимо сделать одну ремарку: мы наблюдаем определённые особенности в работах А. Райнаха по сравнению с терминологическим аппаратом Э. Гуссерля в «ЛИ». Кроме того, что в «АОГП» не используются термины «материя» и «качество», в то время как термин «акт» («*Akt*») в работах Райнаха используется преимущественным образом для обозначения (субъективного) действия (Tun) [28, с. 356], Гуссерль в «ЛИ» употребляет слово «акт» как сокращение «интенционального переживания», то есть акт сознания в реальном (reell) усмотрении [4, с. 348]. Соответственно, согласно Гуссерлю, в (дескриптивном) содержании любого интенционального переживания различаются два предполагающих друг друга (абстрактных) момента – материя (*Aktmaterie*) и качество (*Aktqualität*). А. В. Кольцов справедливо указывает на то, что устанавливается терминологический параллелизм «материи» – «содержания» исходя из «Введения в философию» Райнаха [5, с. 49–50];

разумеется, такой параллелизм также прослеживается в «АОГП», так как он имеет немаловажное значение для понимания структуры социального акта.

Очевидно, социальный момент (*soziales Moment*) не есть то, что определяет принадлежность социальных актов к тому или иному виду. Речь идёт о той несамостоятельной части социального акта, которая тождественна в социальных актах того же вида; например, для всех актов просьбы присущ тождественный момент просьбы (просящий момент) [\[29, с. 341\]](#). Различие социальных актов одного вида от другого есть, таким образом, различие по качеству.

Исследование *материи* социального акта касается как раз предметного отношения социального акта – интенциональное отношение социального акта как переживания и его предметного коррелята. Само собой разумеется, «простое» предметное схватывание не исчерпывает сущность любого социального акта; обращаясь к феноменологической терминологии, мы полагаем, что интенция любого вида социального акта не является объективирующей постольку, поскольку помимо того, как социальный акт имеет функцию делать представимой некоторую предметность, обнаруживается ещё сплетённая с этой функцией особенность соответствующего вида. Например, акт просьбы (например, просьба от Ивана к Антону) не только делает нечто представимым (например, «Антон окажет медицинскую помощь Роману»), но делает его именно в качестве того, о чём просит адресат акта; адресант не только посредством акта просьбы имеет это определённое нечто в виду, но и понимает, что об этом просил адресат; в данном случае имеют место один социальный акт и один (соответствующий) интенциональный предмет, а не два акта – один акт «простого представления/указания о чём-то» и один акт «признания его как таковым». Речь идёт о том, что социальный акт (как переживание) может быть *многослойно интенциональным*. «Это многослойное строение (*Mehrfältigkeit*) интенционального отношения осуществляется... не в соединении рядом стоящих или следующих друг за другом актов – тогда предмет с каждым актом заново присутствовал бы интенционально, т. е. как повторенный, но строго в одном акте, в котором предмет является один-единственный раз, однако в этой единственности его присутствия достигается цель комплексной интенции» [\[4, с. 390-391\]](#).

Райнах пишет: «...Все социальные акты предполагают... внутренние переживания. Каждый социальный акт сообразно существенному закону имеет своё основание во внутреннем переживании определённого вида, интенциональное содержание которого тождественно интенциональному содержанию социального акта или же связано с ним определённым образом» [\[18, с. 179\]](#). С учётом того, что – согласно Гуссерлю – качество акта (т. е. качество интенционального переживания) фундировано в матери акта [\[4, с. 378-379\]](#), мы полагаем, что философы имели в виду то же самое отношение фундирования. Теперь мы рассмотрим это более подробно.

4. «Внутреннее переживание» социального акта

К. Шуманн определяет внутреннее переживание социального акта как психическое переживание адресата акта: «Социальные акты имеют своим основанием психические состояния или действия, которые имманентны потенциальному исполнителю социального акта. Так, сообщение предполагает убеждённость в том, что было сообщено, задавание вопросов – неуверенность, командование – желание, чтобы что-то было сделано, и т. д.» [\[30, с. 160\]](#). К. Маллиган подобным образом утверждает, что внутреннее переживание социального акта есть его психическая предпосылка [\[26, р. 38\]](#). Данные интерпретации небесспорны. Сомнение вызвано тем, что, во-первых, в «АОГП» не употребляется термин

«внутренне-психическое» («innerpsychisch») для характеристики внутреннего переживания социального акта [28, с. 357] так, как это последовательно сделано К. Шуманном при интерпретации этой книги [30, с. 156–157], во-вторых, отношение фундирования между (одним) социальным актом и его внутренним переживанием стало бы, согласно подходу Шуманна, отношением между социальным актом и другим самостоятельным феноменальным единством – психическим переживанием (т. е. актом переживания в обычном смысле). Райнах же чётко определил, что, например, убеждение не есть акт (действие) [28, с. 355]; разумеется, исходя из последовательности и строгости терминологии философа, убеждение как внутреннее переживание, фундирующее сообщение (как социального акта) [27, с. 162], нельзя отождествлять с психическим актом убеждения без отдельного обоснования. Отвлекаясь от проблемы оппозиции реалистической и трансцендентальной феноменологии – в особенности, от тезиса отказа от гуссерлевской редукции (эпохе) среди «мюнхенцев» – мы пытаемся раскрыть суть этого фундирования и тем самым структуру *самого социального акта* с помощью «ЛИ».

Выше мы установили, что социальный акт (как переживание) есть составная часть переживания событийного единства единственного социального акта (наряду с адресатом и адресантом акта). Это то, что направляется адресанту, то, чему внял адресант акта, в реальном (reell) усмотрении; оно интенциально, т. е., «направлено» на нечто в качестве предметного коррелята. Важно отличать от социального акта (как переживания) то содержание, посредством которого акт осуществляется. Это отличие становится ясным тогда, когда Райнах констатирует, что модификация социального акта не есть модификация содержания [18, с. 181]. Мы не будем здесь подробно обсуждать модификации социальных актов и их содержаний; достаточно отметить, что реальное (reell) содержание социального акта и его содержание в обычном смысле не суть одно и то же.

Далее, согласно Райнаху, убеждение в содержании сообщения фундирует сообщение как социальный акт; например, убеждение в содержании сообщения «имеются неблагоприятные погодные условия» служит основанием акта сообщения. В случае отсутствия этого убеждения сообщение осуществляется, но «это лишь мнимое осуществление» [18, с. 179–180]. Правовед специально подчеркнул: «Социальный акт, который каким-то образом осуществляется среди людей, напротив, не разделяется на самостоятельное осуществление акта и случайную констатацию, но образует внутреннее единство из произвольного осуществления и произвольного выражения (курсив мой. – И. Л.)» [18, с. 177]. Иными словами, убеждение в содержании сообщения, например, относится к «осуществлению» социального акта как внутренняя часть (несамостоятельный момент) последнего, которую нельзя рассматривать как отдельный (целостный) акт. По нашему мнению, с помощью прилагательного «внутренний» правовед имеет в виду, что убеждение в содержании сообщения является не психическим переживанием адресата социального акта, а внутренним (имманентным) компонентом переживания собственного акта сообщения и, тем самым, относительно опосредованной [4, с. 244–245] частью событийного единства «действенный социальный акт».

Исходя из определения Райнаха, тем не менее, между «осуществляющим» содержанием и социальным актом имеется общий момент – общий интенциональный предмет (например, то же самое положение дел о наличии неблагоприятных погодных условий). Таким образом, внутреннее переживание, во-первых, интенциально [29, с. 341–342], во-

вторых, является несамостоятельной частью соответствующего социального акта. Следовательно, мы опять-таки различаем «внутри» внутреннего переживания – например, убеждения в содержании сообщения – соответствующие качество и материю – убеждающий момент (*Behauptungsmoment*) и полагающее предметность схватывание.

Далее, для раскрытия сути взаимосвязи между убеждением в содержании сообщения (как внутренним переживанием) и соответствующим социальным актом сообщения (как частичным переживанием совокупного переживания «действенный социальный акт») необходимо обратить внимание на понятие фундирования в понимании Гуссерля в «ЛИ»: «Содержание вида α фундировано в содержании вида β , если α по своей сути (т. е. согласно определённой закономерности, на основе своего видового своеобразия) не может существовать без одновременного существования и β ; при этом остаётся открытым вопрос, требуется ли для этого существование некоторых γ , δ и т. д. или нет»[\[4, с. 250\]](#). Соответственно, фундирование внутреннего переживания социального акта нельзя трактовать как каузальную связь двух мимолётных субъективных актов, двух эмпирических фактов; оно не есть связь между психическими переживаниями. По нашему мнению, фундированность социального акта его внутренним переживанием по Райнаху есть не что иное, как фундированность качества акта его материей в «ЛИ»[\[4, с. 378-379\]](#). Иными словами, в данном случае мы находим итерацию[\[4, с. 441-443\]](#) материи внутри социального акта как переживания, причём интенциональный предмет остаётся одним и тем же, с одной стороны; с другой стороны, при тождественности предметного схватывания качество внутреннего переживания (например, убеждающий момент внутреннего переживания акта сообщения) «превращается» в качество соответствующего социального акта (например, сообщающий момент акта сообщения) путём «умножения» на общее качество социальных актов – социальный момент (*soziales Moment*). То есть в случае акта сообщения имеет место «социальная модификация» убеждающего момента, акта вопрошания – момента неопределённости (*die Ungewißheit*), акта просьбы – желающего момента (*der Wunsch*), акта распоряжения – волевого момента (*der Will*), и т. п. Тем самым считается обоснованной критика гуссерлевской редукции актов вопрошания, желания и воления к суждениям[\[4, с. 441\]](#) со стороны Александра Пфендера, Йоханеса Дауберта и, пожалуй, Адольфа Райнаха[\[30, с. 140-141\]](#).

Следовательно, «мнимое осуществление» социального акта – что уже отмечалось выше – влечёт за собой особую модификацию, касающуюся действенности акта (т. е. вопроса «каковы правовые последствия этого действенного акта»): например, компетентный орган предоставил заведомо ложные сведения о наличии неблагоприятных погодных условий – это не есть акт сообщения; соответственно, во-первых, мы не можем утверждать существование форс-мажора постольку, поскольку для этого отсутствуют достаточные основания, и, во-вторых, требуется новая (адекватной) квалификация этого деяния компетентного органа. Таким образом, это – прежде всего вопрос «есть» или «не есть», т. е., истинности и ложности. Поэтому мы не можем согласиться с А. В. Кользовым в том, что проблематичность мнимого осуществления социального акта носит исключительно этический (нравственный) характер[\[5, с. 166\]](#); тем более не всегда необходимо и возможно установить этический момент в деянии компетентного органа для признания недействующим его акта. Применительно к правовой практике такого рода «социальное лицемерие»[\[18, с. 179-180\]](#) касается проблемы правовой квалификации, например проблемы действительности того или иного типа гражданского договора.

Заключение

Продемонстрированный выше метод интенционального анализа на примере «АОГП» показывает методологическую ценность феноменологии (как она изложена в «ЛИ») для теоретической науки о праве в интерпретации Райнаха.

Подводя итоги, мы пришли к следующим выводам.

1. Любой (собственный) социальный акт является интенциональным переживанием, которое входит в состав переживания событийного единства «действенный социальный акт». Связь между социальным актом, адресатом и адресантом акта есть связь переживаний.
2. Внутреннее переживание социального акта не есть психическое переживание, оно представляет собой имманентную, несамостоятельную часть социального акта, которая, во-первых, есть интенциональное переживание по своей природе, и, во-вторых, a priori определяет действительность социального акта. Соответственно, связь между социальным актом и его внутренним переживанием также относится к связям переживаний.

Таким образом, феноменология права А. Райнаха изучает правовые переживания и их связи так, как это было очерчено в «ЛИ». Показано, что именно «гуссерлевская» интерпретация райнаховского проекта феноменологии права позволяет выявить метод априорного учения о праве – в частности, при переходе к феноменологической установке применительно к анализу проблем гражданского права. Последовательное применение феноменологического метода явно прослеживается в «АОГП» несмотря на то, что в работе отсутствует соответствующий раздел по методологии. Именно установление связи между феноменологией Гуссерля, как она представлена в его «ЛИ», и учением о социальных актах в «АОГП» позволяет восстановить (реконструировать) проект феноменологии права Райнаха в его аутентичном феноменологическом содержании – показать, как правовед с помощью методологии интенционального анализа расширил область теории (гражданского) права.

Библиография

1. Белоусов М. А. К вопросу об очевидности в феноменологии Гуссерля: данность и горизонт // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 2. С. 66-81.
2. Белоусов М. А. Понятие переживания у Гуссерля и Ильина // Национальное своеобразие в философии: материалы международной конференции, Москва, 10-11 декабря 2014 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российский государственный гуманитарный университет"; ответственный редактор: Т. А. Шиян. М.: РГГУ, 2014. С. 61-72.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Пролегомены к чистой логике / Пер. с нем. Э. А. Бернштейн под ред. С. Л. Франка; Новая ред. Р. А. Громова. М.: Академический Проект, 2011. 253 с.
4. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Академический Проект, 2011. 565 с.
5. Кольцов А. В. Понятие "переживание" в реалистической феноменологии А. Райнаха: Дис. ... канд. филос. наук: 5.7.2. М.: РГГУ, 2023. 205 с.
6. Куренной В. А. Комментарий и примечания [к "Априорным основаниям гражданского права"] // Райнах А. Собр. соч. / Пер. с нем., сост. послесл. и comment. В. А. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 455-469.
7. Куренной В. А. Комментарий и примечания [к "Теории негативного суждения"] // Райнах А. Собр. соч. / Пер. с нем., сост. послесл. и comment. В. А. Куренного. М.: Дом

- интеллектуальной книги, 2001. С. 441-455.
8. Куреной В. А. От редактора // Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию / Пер. с нем. А. В. Михайлова; Вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический Проект, 2009. С. 5-14.
9. Луковская Д. И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 161 с.
10. Молчанов В. И. Аналитическая феноменология в Логических исследованиях Эдмунда Гуссерля // Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Академический проект, 2011. С. 462-557.
11. Молчанов В. И. Одиночество сознания и коммуникативность знака // Логос. 1997. № 9. С. 5-24.
12. Молчанов В. И. Феноменология и терминология в Идеях I. Что естественного в "естественной установке"? // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 4. С. 21-35.
13. Мотрошилова Н. В. Принципы и противоречия феноменологической философии. М.: Издательство "Высшая школа", 1968. 128 с.
14. Мотрошилова Н. В. Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Галле, 1887-1901). М.: Прогресс-Традиция, 2018. 624 с.
15. Пантыкина М. И. Адольф Райнах и его забытый проект феноменологии права // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 116-126.
16. Поляков А. В. Феноменологическое правоведение: А. Райнах // Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений: учебник. 2-е издание. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. С. 444-455.
17. Пружинин Б. И., Артёменко Н. А., Белоусов М. А., Васильев В. В., Курилович И. С., Михайлов И. А., Молчанов В. И., Паткуль А. Б., Резниченко А. И., Савин А. Э., Чернавин Г. И., Шестова Е. А., Щедрина Т. Г. Феноменология сегодня: исторические проблемы и современные тенденции. Возвращаясь к дискуссии 1988 года (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 2024. № 10. С. 5-39.
18. Райнах А. Априорные основания гражданского права // Райнах А. Собр. соч. / Пер. с нем., сост. послесл. и comment. В. А. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 153-326.
19. Стоба А. В. А. Райнах и Н.Н. Алексеев: у истоков феноменологии права // Право и политика. 2012. № 2. С. 371-376.
20. Ямпольская А. В. Феноменологический метод и его границы: от немецкой к французской феноменологии: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М.: РГГУ, 2014. 351 с.
21. Burkhardt A. Soziale Akte, Sprechakte und Textillokutionen. A. Reinachs Rechtsphilosophie und die moderne Linguistik. Tübingen: Niemeyer, 1986. 476 p.
22. Cadena N. Husserl and Reinach, the idea of promise // Revista Ética E Filosofia Políticas. 2017. Vol. II (XX). P. 85-100.
23. Dubois J. M. Judgment and Sachverhalt: An Introduction to Adolf Reinach's Phenomenological Realism. Dordrecht: Springer Science&Business Media, 1995. 168 p.
24. Elsenhans T. Phänomenologie, Psychologie, Erkenntnistheorie // Kant-Studien. 1915. Vol. 20 (1-3). S. 224-275.
25. Husserl E. Adolf Reinach // Husserliana. Bd. XXV. Aufsätze und Vorträge (1911-1921) / Mit ergänzenden Texten hg. von Th. Nenon und H. R. Sepp. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. S. 300-303.
26. Mulligan K. Promising and other Social Acts: Their Constituents and Structure // Speech Act and Sachverhalt: Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology / ed. by K. Mulligan. Netherlands: Springer, 1987. P. 29-90.

27. Reinach A. Die apriorischen Grundlagen des bürgerlichen Rechts // Reinach A. Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Band I. Die Werke / Hrsg. von K. Schuhmann und B. Smith. München, Hamden, Wien: Philosophia-Verlag, 1989. S. 141-278.
28. Reinach A. Nichtsoziale und soziale Akte // Reinach A. Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Band I. Die Werke / Hrsg. von K. Schuhmann und B. Smith. München, Hamden, Wien: Philosophia-Verlag, 1989. S. 355-360.
29. Reinach A. Wesen und Systematik des Urteils // Reinach A. Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Band I. Die Werke / Hrsg. von K. Schuhmann und B. Smith. München, Hamden, Wien: Philosophia-Verlag, 1989. S. 339-345.
30. Schuhmann K. Die Entwicklung der Sprechakttheorie in der Münchener Phänomenologie // Phänomenologische Forschungen. 1988. Vol. 21. S. 133-166.
31. Schuhmann K., Smith B. Einleitung: Adolf Reinach (1883-1917) // Reinach A. Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Band II. Kommentar und Textkritik / A. Reinach / Hrsg. von K. Schuhmann und B. Smith. München, Hamden, Wien: Philosophia-Verlag, 1989. S. 613-626.
32. Smith B. Adolf Reinach: An Annotated Bibliography // Mulligan K. (ed.) Speech Act and Sachverhalt: Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology. Netherlands: Springer, 1987. P. 299-372.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, социальные акты в «Априорных основаниях гражданского права» Адольфа Райнаха. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Вопрос об отношении так называемого внутреннего переживания к социальному акту представляет собой одно из существенных положений «АОГП», в которых проявляется суть феноменологического анализа, как он был продемонстрирован в «ЛИ». Райнах коротко, но эксплицитно описывает эту взаимосвязь с помощью ряда своеобразных (видов) социальных актов[18, с. 179]. Разумеется, взаимосвязь внутреннего переживания и социального акта касается ключевых моментов понимания «акта» и метода интенционального (сущностного) усмоктования в феноменологическом философствовании Райнаха, что делает необходимым принять во внимание также работы учёного по феноменологической философии до 1913 года[5, 33], в частности «Сущность и систематика суждений» (1908)[29] и «Несоциальные и социальные акты» (1911)[28]".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "В «Априорных основаниях гражданского права» (1913)[18, 27] (далее – «АОГП») Адольфа Райнаха представлен первый в истории правовой мысли проект феноменологии права. Несмотря на то, что учением о социальных актах не исчерпывается райнаховская идея априорного учения о праве, им посвящена почти вся упомянутая работа философа. Понятие социального акта, с одной стороны, разработано правоведом под влиянием феноменологии Э. Гуссерля, с другой – является «мостом» между феноменологической методологией и теорией (гражданского) права постольку, поскольку оно выявляет элементарные единицы правового общения: сообщение, просьба, распоряжение, вопрошение, обещание и т. п. Для реконструкции[9] райнаховского учения о социальных актах недостаточно определить используемые учёным понятия феноменологической философии, такие как «акт»,

«интенциональность», «предметное отношение», «переживание» и т. п.[10, с. 470]. Важно также показать сам процесс феноменологического анализа социальных актов. В рамках данной статьи мы, принимая во внимание участие А. Райнаха в переиздании «Логических исследований» Э. Гуссерля (далее – «ЛИ») 1911–1913 гг.[31, с. 621], ориентируемся на русский перевод первой части второго тома «Логических исследований» Э. Гуссерля в их втором издании[4, с. 565]".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, в реальном (reell) усмотрении событийное единство «действенный социальный акт» есть совокупное переживание, а его компоненты – собственный социальный акт, адресат акта, адресант акта – суть частичные переживания «действенный социальный акт» как целого. Тем самым мы не можем согласиться с А. В. Кользовым в том, что «социальный акт не может быть в полном смысле отнесён к классу переживаний, поскольку... переживание является лишь составной частью такого рода интенционального акта»[5, с. 40–41]. Мы говорим, соответственно, уже не о реальных субъектах права и событии между ними, а в строгом смысле об их переживаниях"; "Стоит также отметить, что Райнах таким образом обратил особое внимание на правовую проблему действенности – тем самым он показывает применимость феноменологии не только для теории права, но и для исследования правовых практик"; "Исследование материи социального акта касается как раз предметного отношения социального акта – интенциональное отношение социального акта как переживания и его предметного коррелята. Само собой разумеется, «простое» предметное схватывание не исчерпывает сущность любого социального акта; обращаясь к феноменологической терминологии, мы полагаем, что интенция любого вида социального акта не является объективирующей постольку, поскольку помимо того, как социальный акт имеет функцию делать представимой некоторую предметность, обнаруживается ещё сплетённая с этой функцией особенность соответствующего вида. Например, акт просьбы (например, просьба от Ивана к Антону) не только делает нечто представимым (например, «Антон окажет медицинскую помощь Роману»), но делает его именно в качестве того, о чём просит адресат акта; адресант не только посредством акта просьбы имеет это определённое нечто в виду, но и понимает, что об этом просил адресат; в данном случае имеют место один социальный акт и один (соответствующий) интенциональный предмет, а не два акта – один акт «простого представления/указания о чём-то» и один акт «признания его как таковым». Речь идёт о том, что социальный акт (как переживание) может быть многослойно интенциональным"; "Следовательно, «мнимое осуществление» социального акта – что уже отмечалось выше – влечёт за собой особую модификацию, касающуюся действенности акта (т. е. вопроса «каковы правовые последствия этого действенного акта»): например, компетентный орган предоставил заведомо ложные сведения о наличии неблагоприятных погодных условий – это не есть акт сообщения; соответственно, во-первых, мы не можем утверждать существование форс-мажора постольку, поскольку для этого отсутствуют достаточные основания, и, во-вторых, требуется новая (адекватной) квалификация этого действия компетентного органа. Таким образом, это – прежде всего вопрос «есть» или «не есть», т. е., истинности и ложности" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его методологию. Основная часть работы состоит из следующих разделов: "1. Проблема интерпретации методологии априорного учения о праве: два подхода"; "2. Событие vs. переживания: переход к реальному (reell) усмотрению"; "3. Интенциональный предмет социального акта"; "4. «Внутреннее

переживание» социального акта". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает нареканий. Однако в работе имеется опечатка.

Так, автор пишет: "Мы установили, что для разных по виду социальных актов может быть значимым один (тот же самый) общий момент, полагающий один (тот же самый) интенциональный предмет актов: в таком случае усматривается у социальных актов тождественная часть их (реально-феноменологического) содержания, определяющая интенциональный предмет акта" - "в таком случае" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании.

Библиография исследования представлена 32 источниками (монографиями, диссертационными работами, научными статьями, комментариями), в том числе на английском и немецком языках. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Дж. Остин, Дж. Сёрл, Ж. Дюбуа, А. В. Кольцов, К. Шуманн и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Продемонстрированный выше метод интенционального анализа на примере «АОГП» показывает методологическую ценность феноменологии (как она изложена в «ЛИ») для теоретической науки о праве в интерпретации Райнаха. Подводя итоги, мы пришли к следующим выводам.

1. Любой (собственный) социальный акт является интенциональным переживанием, которое входит в состав переживания событийного единства «действенный социальный акт». Связь между социальным актом, адресатом и адресантом акта есть связь переживаний.

2. Внутреннее переживание социального акта не есть психическое переживание, оно представляет собой имманентную, несамостоятельную часть социального акта, которая, во-первых, есть интенциональное переживание по своей природе, и, во-вторых, a priori определяет действительность социального акта. Соответственно, связь между социальным актом и его внутренним переживанием также относится к связям переживаний.

Таким образом, феноменология права А. Райнаха изучает правовые переживания и их связи так, как это было очерчено в «ЛИ». Показано, что именно «гуссерлевская» интерпретация райнаховского проекта феноменологии права позволяет выявить метод априорного учения о праве – в частности, при переходе к феноменологической установке применительно к анализу проблем гражданского права. Последовательное применение феноменологического метода явно прослеживается в «АОГП» несмотря на то, что в работе отсутствует соответствующий раздел по методологии. Именно установление связи между феноменологией Гуссерля, как она представлена в его «ЛИ», и учением о социальных актах в «АОГП» позволяет восстановить (реконструировать) проект феноменологии права Райнаха в его аутентичном феноменологическом содержании – показать, как правовед с помощью методологии интенционального анализа расширил область теории (гражданского) права"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и

права, истории политических и правовых учений, философии права при условии ее небольшой доработки: устранении опечатки в тексте.